

Толстый

Он был толстый. Не безобразный «жиртрест», колышущийся киселем при каждом движении. Не болезненно толстый вследствие какого-то резко нарушающего обмен веществ недуга. Просто толстый! Ему исполнилось 12, и толстым он был вот уже третий год. Так бывает у мальчишек в этом возрасте: ни с того ни с сего вдруг твоя цифра на школьных весах оказывается в классе первой, а на 60-метровке – последней. И так же неожиданно, ниоткуда появляется резкое, болезненное, пристающее, как репей, прозвище: «Толстый»! Оно напрочь забивает, заменяет твое настоящее имя. И даже не знакомые с тобой люди (как вон те идущие навстречу пацаны из другой школы) это прозвище по каким-то космическим каналам моментально получают – и окликают тебя при встрече безошибочно. Толстый!

Толстого любили родители. У них были и совместные прогулки, и кино по выходным, и вечера за играми с отцом, и вкусные мамыны обеды. Были подарки и интересные поездки, летние отпуска всей семьей и особенно любимые детьми походы в гости. А еще была четырехлетняя сестренка, которую он обожал больше жизни. В семье Толстого детей старались вырастить в первую очередь хорошими людьми, поэтому ни о какой вседозволенности речи идти не могло. Но при этом строгость никогда не брала верх – дети всегда могли чувствовать главное: их любят, о них заботятся. Может, именно эта любовь и застала очи родителям, не дала им «поймать» тот момент, когда в глазах посторонних людей их любимый сын стал Толстым. Не дала принять жесткие меры, которые бы где-то шли вразрез с их представлениями о любви. А может, им просто не хватило житейской мудрости...

Толстый рос нормальным тинэйджером: любил (правда, без фанатизма) свой «гаджет» - подаренный на день рождения родителями достаточно дорогой мобильник, гонял на нем популярные в классе «стрелялки», фотографировал все подряд и, конечно, ходил в интернет. Там у Толстого были, как у всех, странички «Вконтакте» и в «Инстаграмме», на которые он грузил понравившиеся музыкальные биты, прикольные изречения из сети и свои фотки. Хотя последнее он любил не очень. Урожаи десятков «лайков» и «комментов», собираемые в общем-то обычными, по сути такими же, как у него, фотками одноклассников, обходили страничку Толстого стороной, как будто она была невидимой. Он к этому привык и скорее автоматически (потому, что «так принято») поддерживал жизнь своих сетевых аккаунтов.

Толстый неплохо учился. Возможно, потому, что ему достаточно легко давалось большинство предметов. «Мужскими науками» типа математики он интересовался больше и поэтому всегда имел «пятерки», с литературой и русским дружил вследствие любви к чтению, к «общечеловеческим» дисциплинам от истории до ботаники относился достаточно равнодушно и слыл по ним твердым хорошистом. До «звезды школы» ему порой не хватало, казалось, чуть-чуть: то занял второе место на олимпиаде по математике (а «на район» брали только с первого), то обыграл всех в классе в настольный теннис – и, вот незадача, в день школьных соревнований слег с гриппом... Так что славы, авторитета, репутации, необходимых для того, чтобы иметь в школе прозвище более уважительное, чем «Толстый», ему явно недоставало.

...Зато Толстого более чем доставала ежедневная жестокость одноклассников. Никто не изучил еще, каким образом возникает именно в коллективе школьников с их детскими, недостаточно зрелыми мозгами эта привычка всей стаей издеваться над недостатками кого-то одного. Жестокость эта - по сути своей беззлая и подчас даже ненамеренная, но совершенно бездумная и до боли обидная для того, на кого она направлена. Кошмаром Толстого была физкультура, где он ощущал эту жестокость особенно остро. Говоря справедливо, добрая половина

класса не блистала физическим развитием – например, из мальчишек подтягивались на перекладине больше одного раза человека четыре; еще столько же могли на турнике разве что поболтать своим тощим телом, как сосиской. Но когда то же самое проделывал Толстый, класс, подзуживаемый парой наиболее активных клоунов-остряков, замирал в ожидании, чтобы минуту спустя взорваться фонтаном хохота и обидных шуток. А однажды Толстый на бегу в столовую споткнулся и упал – так, как спотыкаются и падают десятки школьников каждый день, набивая синяки и разбивая носы, а затем встают и бегут дальше! Но в момент падения его джинсы натянулись и, не выдержав напряжения, предательски треснули по швам. И хотя Толстого без проблем сразу же отпустили домой переодеться, его растерянный вид с зияющими голыми ногами на месте штанов еще в течение месяцев был любимым анекдотом, обраставшим все новыми глупыми и смешными подробностями в пересказах одноклассников и очевидцев из других классов.

При всем при этом Толстый, как любой мальчишка, любил подвижные игры, и кое-что у него получалось неплохо. Кроме упомянутого уже настольного тенниса, он всегда участвовал в пионербольных, а в последний год и в волейбольных баталиях в школе, наравне с другими мальчишками плавал, его всегда принимали зимой в компанию гонящих во дворе в хоккей на ногах. А вот спортивные секции, не раз предлагавшиеся родителями, неизменно вызывали его категорический отказ. Толстого моментально бросало в дрожь при мысли, что его может окружить еще один, помимо школьного, круг глумливых насмешников. Поэтому, когда другие мальчишки отправлялись на свои каратэ с футболами, он шел домой и погружался в мир книг. Здесь – с Майн Ридом, Жюлем Верном, а порой и банальным детективным чтивом – он чувствовал себя спокойно, отвлеченно, уверенно.

Толстый был добрым, и это усугубляло комплекс его проблем. В соседнем классе учился мальчишка, тоже бывший толстым, но благодаря своей агрессивности известный в параллели как «Бульдог». Бульдога никто не обзывал, смеяться над ним боялись – а если по незнанию кто и осмеливался, Бульдог без разговоров прижимал его всем своим весом и держал мертвой хваткой до тех пор, пока наглец не просил пощады. Толстый же агрессивным не был и кулаки в ход не пускал, разве только отбил пару раз по приходу в новую школу, когда его пробовали испытать на прочность. Причем отбил достаточно чувствительно для противников, после чего откровенно физически гнобить его уже не пытались. Но вот в ответ на очередную серию гаденьких дразнилок, да что там – на использование одношкольниками оскорбительной клички «Толстый» он просто отходил в сторону: обижался, краснел, выключался из беседы. И ни разу первым не дал дразнящему в морду. Потому что его так учили: дари добро и никогда не бей человека первым. Стая же по своим понятиям такие качества воспринимала скорее как слабость, что и позволяло кусту насмешек пышно цвести круглый год.

...И это все еще полбеда, если бы не девочки! Пожалуй, едва ли не каждый мальчишка в 12 лет интересуется девчонками, и Толстый не был исключением. Не раз и не два его сердце сладко замирало от промелькнувшего перед глазами платица какой-нибудь школьной принцессы; бывало, он влюблялся так, что мог по пол-урока сидеть и гипнотизировать взглядом ненаглядный затылок предмета своих воздыханий. Но девочки оставались к Толстому равнодушны. Нет, они редко участвовали в сеансах насмешек над ним - ну, разве что когда он совершал что-то неуклюжее на виду у всех - и, в отличие от пацанов, почти не обзывались. Более того, попроси одноклассниц Толстого: «Назовите в вашем классе нормальных мальчишек!» - он оказался бы в списке таковых практически у каждой. А вот стоило ему проявить какой-то интерес, показать девочке свою симпатию – и она либо закрывалась, либо отшатывалась. Для одних девчонок имело значение

пресловутое общественное мнение («Что скажет стая?»), другие же, в маленьких головках которых уже поселился ум женщины, интуитивно чувствовали, что Толстый не готов дать им самое необходимое в общении с мужчиной. Чувство уверенности, защищенности. И, как ни печально, они в этом были абсолютно правы. Толстый же после пары-тройки таких вот ситуаций какие-либо попытки активности прекратил, свои симпатии демонстрировать перестал. Как это исправить, он не знал, отчего страдал особенно сильно. Что уж говорить о том, как он ненавидел оказываться в кругу сверстников, когда начинался разговор об их (на 90%, естественно, выдуманных!) успехах с девочками! Ведь врать Толстый паталогически не умел, а в его послужном списке романтических приключений даже в графе «Прогулки» стоял чистый ноль! И совсем было ужасно, когда вот в таком разговоре каждый свою байку уже протравил, и все головы оборачиваются на тебя: мол, а ты что нам расскажешь? Отговаривался какой-то чушью, уходил в сторону...

В общем, Толстый с нетерпением ждал лета! Чтобы сбросить с себя, как отмершую старую шкурку, это постоянное напряженное ожидание очередного унижения. Чтобы просто *их всех* три месяца не видеть, забыть. Чтобы беспричинно верить, что *потом* начнется какая-то совсем иная жизнь.

И лето подошло. Последний звонок, последние, уже не особо нужные ни учителям, ни ученикам уроки. Последние разговоры и прощание с одноклассниками до осени. Конечно, максимально красочные рассказы друг другу, кто куда собирается. Ну, и обычное мальчишеское, наигранное и хвастливое предвкушение новых побед на поприще общения с противоположным полом:

- У меня на даче Машка через два дома – она еще в прошлом году была *та-акая* девочка!
- А мы с родками в Египет, там в отелях всегда полно русских со своими дочками!
- Я в спортлагерь в Анапу – с нами всю смену легкоатлетки рядом будут жить, м-мммм..!

И тут, конечно, кто-то:

- А к Толстому, небось, ни одна девчонка не подойдет за все лето!

У Толстого остановилось сердце и потемнело в глазах. И, прежде, чем он успел подумать о хлесткой отповеди, произнесенной жестким металлическим тоном, откуда-то со стороны Толстый услышал свой голос, срывающийся на крик и слезу:

- Да у меня этим летом будет больше красивых девчонок, чем у вас всех, вместе взятых!

Безудержный конский хохот был последним, что запомнил Толстый перед уходом из класса на летние каникулы.

Турецкий курорт, куда родители привезли Толстого вместе с сестренкой в июле, представлял собой тот самый формат отдыха, который крепко полюбился многим русским за последние два десятилетия. Немного подзажавшись и вбухав в предоплату тура изрядную по меркам неолигархической семьи сумму, ты можешь при желании на пару недель забыть обо всех проблемах, в том числе и финансовых – у тебя «Всё включено!» При этом очень прилично

выученный турками русский позволяет полностью снять и такой традиционно проблематичный для наших соотечественников вопрос, как необходимость общаться «по-иностранному». Итак, море-солнце-пальмы, вечерний коктейль для родителей, компания на любой возраст для детей – чем не заслуженный 11 месяцами холода и трудов мини-рай?!

...Толстому здесь нравилось. Он с удовольствием проплыл с отцом до буйков и обратно, встал под ледяной душ, растянулся на лежачке. После обеда порезвился с мелкой в бассейне. Вечером громче всех хлопал циркачам из шоу. А потом был следующий день, кажется, как под копирку списанный со своего предшественника. Завершив всю пляжно-бассейновую программу, семейка Толстого в номере быстро привела себя в порядок, мама выбрала платье для вечернего выгула, и все двинулись в сторону ресторана с ужином. На улице спал зной; солнце уже зашло за ближайшую гору и потому не палило нещадно, однако до быстро спускающейся южной ночи оставался еще добрый час. Родителям захотелось на несколько минут протянуть наслаждение этой условной прохладой за столиками у пул-бара. Отец взял Толстому совершенно такой же, как себе и маме (разве что без рома!) коктейль. Младшенькая уже крутилась между столиками с новой подружкой-сверстницей.

И тут Толстый остолбенел. К бару подошла *она*. Толстый еще не умел определять возраст девушек: на его взгляд, ей могло быть 18, или 20, или 25... Одно точно – намного старше, взрослее, чем Толстый или любая из тех, кто ему нравился прежде. Он просто замер, потому что никогда в жизни не видел ничего подобного этой красоте! Светло-шоколадный загар, подчеркнутый белым коротким сарафаном, ласкал ее миниатюрную, но гибкую фигурку. Гордо поднятая голова с орлиным профилем носа вызывала образ то ли греческой богини, то ли египетской царицы из учебника истории. И в довершение всего вдоль тонкой шеи, изящного изгиба спины до самого пояса вольно и дерзко падала волна иссиня-черных волос – на зависть любой мультяшной принцессе!

Толстый знал, что у него сегодняшнего *никогда не будет такой девушки*. И это сознание абсолютной невозможности сообщило ему ледяное спокойствие. Он взял в руку гаджет, встал из-за столика и непривычной для себя неспешной мужицкой походкой подошел к девушке у бара.

Заглянул ей снизу вверх прямо в глаза:

- Простите, сфотографируйтесь со мной, пожалуйста! – сказал без дрожи и протянул ей гаджет. Ему было в этот момент абсолютно все равно: ее отказ обидел бы его не более, чем новость, что снежного человека не существует.

И все-таки как будто во сне прозвучал ее приветливый голос:

- Конечно! Давай! – она взяла у него гаджет, отвела его на длину своей тонкой руки, а второй легко приобняла Толстого.

- Улыбаемся! ... Посмотри, тебе нравится?

- Классно. Спасибо!

...Когда Толстый вернулся за столик, родители ничего ему не сказали. Они просто сидели и смотрели на него *так*, что Толстый почувствовал: ему давно в жизни не было так хорошо.

...Двадцать семь. Двадцать семь красивейших русских девушек, отдохавших в турецком отеле. Брюнетки, блондинки, одна рыженькая. Взрослые и совсем еще девчушки. Будто сошедшие с подиума и дюймовочки. Светлоглазые восточные славянки и жгучие украинские дивчины. Прозрачно-миниатюрные и щедро награжденные формами. В купальниках, босиком - и при параде вечерних платьев и шпилек. На пирсе и у ресторана.

Он подходил к ним всем. Со своим гаджетом и своей просьбой.

Толстому не отказала ни одна!

В фотогалерее его гаджета красовалось 27 фоток.

Он победил.